

— Ты, будучи начитанной и сведущей в медицине, знала, что у твоего отца слабость и склонность к кровохарканью, ему строго запрещён алкоголь — выпьет, и приступ неминуем. Более того, в отваре, поднимающем ян, есть грецкий орех, а он с вином несовместим: их сочетание вызывает удушье. Но тебе и этого показалось мало! Ты велела Се Хуэйлань зажечь благовоние, разжигающее страсть, чтобы ускорить кровообращение. При таких условиях даже бессмертный не выжил бы!

Все присутствующие устремили на Шэнь Ичань изумлённые взгляды. Лишь она одна сохраняла ледяное спокойствие.

— Не знаю, чем руководствуются господа, так упорно пытаюсь взвалить на меня вину в отцеубийстве, — холодно произнесла она. — Но у вас нет ни свидетелей, ни вещественных доказательств. Даже перед лицом императора я не признаю себя виновной!

Гу Хуайцин хитроумно повёл глазами и фыркнул:

— Шэнь Ичань, если ты будешь упорствовать, дело и впрямь зайдёт в тупик. Мы расследуем по высочайшему повелению и должны предъявить виновного. Что ж, к счастью, Се Хуэйлань уже во всём созналась. Придётся ей взять твою вину на себя и умереть вместо тебя!

Кажется, тонкий стан Шэнь Ичань дрогнул. Гу Хуайцин тут же воспользовался моментом и спросил у Дуань Минчэня:

— Брат Дуань, не напомнишь, какая кара положена за убийство мужа?

Дуань Минчэнь ответил с каменным лицом:

— Согласно законам Великой Ци, жена, убившая мужа, приговаривается к рассечению пополам с последующим оставлением тела на поругание.

— Рассечение пополам... — Гу Хуайцин с нарочитой скорбью покачал головой и понизил голос. — Барышня, известно ли тебе, что эта казнь куда мучительнее, чем четвертование? Четвертование звучит страшнее, но смерть наступает в мгновение ока. А вот при рассечении... Внутренности человека сосредоточены в верхней части. Когда тело разрубает надвое, смерть не приходит сразу. Осуждённый может мучиться час, а то и два, пока не истечёт кровью. Такой жестокий конец для хрупкой женщины, как госпожа Се... Да и тело её потом бросят на рынке на поругание черни. Право, жалкое зрелище...

Лицо Шэнь Ичань стало белым как бумага, губы её задрожали, а пальцы в рукавах сжались в кулаки.

И в этот миг в залу ворвалась растрёпанная женщина с распущенными волосами. Это была Се Хуэйлань.

Она бросилась вперёд и встала перед Шэнь Ичань, заслоняя её собой.

— Шэнь Цзюньжу убила я одна! — громко заявила она Дуань Минчэню и Гу Хуайцину. — Она ни при чём! Убийство требует возмездия — я отдам свою жизнь!

С этими словами она с размаху бросилась на каменный стол посреди двора. Гу Хуайцин, стоявший ближе всех, устремился наперерез и успел её перехватить. Тем не менее, Се Хуэйлань успела удариться лбом о край стола. Алая кровь тут же заструилась по её бледному лбу, заливая белоснежную одежду.

— Довольно! — Шэнь Ичань шагнула вперёд и подхватила подругу. — Хуэйлань! Ты в порядке?

Се Хуэйлань, с трудом преодолевая головокружение, ухватилась за руку Шэнь Ичань. Глаза её наполнились слезами.

— Ичань...

Шэнь Ичань тоже смахнула наворачившуюся влагу и, прижимая к ране подруги платок, с горечью вздохнула:

— Зачем ты так? Это дело к тебе не относится. Зачем бросаться подставлять себя?

— Не надо... Ничего не говори...

К счастью, Се Хуэйлань лишь слегка рассекла кожу, и кровь быстро остановилась. Шэнь Ичань помогла ей подняться и, обернувшись к двум следователям, сказала твёрдо:

— Господа, прошу удалить всех посторонних. А вы двое — пройдёте за мной.

Она привела их в свои покои, усадила Се Хуэйлань на ложе. Та, с лицом, искажённым страданием, не отпускала её руку. Шэнь Ичань успокаивающе похлопала её по пальцам, а затем вышла из-за ширмы.

Дуань Минчэнь пристально смотрел на старшую дочь Шэнь, сохранявшую невозмутимость даже сейчас. За свою службу он вёл множество дел, больших и малых, повидал всяких преступников. Но такая — столь прекрасная, столь одарённая, и даже будучи избалованной, остающаяся на удивление хладнокровной, — попала ему впервые.

Гу Хуайцин же вспомнил, как впервые увидел Шэнь Ичань. Тот вечер после дождя, и как она, сияющая, словно само совершенство, вышла из-за ширмы... Миг того ослепительного впечатления остался с ним навсегда. И теперь эта красота должна будет склонить голову перед законом. Что ж, и впрямь повод для вздоха.

— Барышня Шэнь, я всё же не понимаю, — не удержался Гу Хуайцин. — Даже если ты не желала выходить за Чжуаньюаня, существовали иные способы расторгнуть помолвку. Зачем было заходить так далеко, до отцеубийства?

— Думаешь, я не пыталась бороться? — На губах Шэнь Ичань дрогнула горькая усмешка. — Господин Дуань прав. Я отказалась от управления домом не из-за болезни. Меня заточил мой «любящий» отец — за то, что я противилась браку с Вэй Имином. Целых полгода я была пленницей в этих стенах!

Встретив их изумлённые взгляды, она продолжила:

— Весь мир говорит, что Шэнь Цзюньжу — благородный муж, образец для всех учёных. Вы тоже так считаете? Увы, мир видит лишь личину. На деле же он был законченным лицемером!

— Дочь не должна порочить отца. Но о своём родителе я не могу сказать ничего доброго. Вы не знаете, но моя бабушка скончалась от болезни ещё три года назад. Однако Шэнь Цзюньжу, когда она слегла, тайком ото всех отослал её в родную деревню. А после её смерти скрыл кончину и не объявлял траура — всё из страха, что трёхлетнее отлучение от должности погубит его блистательную карьеру!

— Он был бедным студентом из простой семьи. Но, блеснув на экзаменах, сумел примазаться к моему деду, генералу Ло Цзяню, и так ловко того обошёл, что тот отдал за него свою единственную дочь. С той поры его положение при дворе упрочилось. На свадьбе он клялся моей матери в вечной верности, обещал, что кроме неё никого не будет. Но прошло всего три года! Когда мать носила меня под сердцем, он вступил в связь с её служанкой — той самой, что позже стала наложницей Цзян. И та понесла от него. Более того, она разрешилась сыном ещё до моего появления на свет — моим никчёмным братом Шэнь Юйчжу.

— Моя мать изнывала от горя, но ради ребёнка в утробе всё стерпела. Роды дались ей тяжело. А когда она увидела, что родила девочку, Шэнь Цзюньжу и вовсе охладил к ней. Мать, и без того подорвавшая здоровье, впала в тоску, чахла не по дням, а по часам и вскоре покинула этот мир...

— После её кончины Шэнь Цзюньжу, опасаясь гнева семьи Ло, разыграл спектакль скорби и поклялся больше не брать наложниц и не жениться вновь. Позже мой дед, генерал Ло Цзянь, стал слишком могущественным, и прежний император начал его опасаться. Шэнь Цзюньжу тут же сплел сеть лживых обвинений и предал наш род! Дед был разжалован, семья Ло впала в немилость и утратила былое влияние. А Шэнь Цзюньжу на этом взошёл ещё выше, попав в кабинет министров.

— Став главным советником, он вознамерился жениться вновь. Но я и подумать не могла, что он обратит взор на Хуэйлань! Теперь-то я понимаю: разжалование её отца, герцога Аньго, наверняка тоже его рук дело. И когда тот впал в немилость, а Хуэйлань пришла к нему за помощью, этот подлец в человеческом обличье силой овладел ею, а затем, пригрозив расправой над её отцом, принудил к браку!

— А я, его родная дочь, была в его глазах лишь разменной монетой в политических играх! Он прекрасно знал, что моё сердце принадлежит двоюродному брату Ло Юйлоу. Но после падения нашего рода он не только запретил нам видеться, но и устроил так, что брата отправили служить в дальний пограничный гарнизон на севере, где каждый день грозит гибель, а жизнь — сплошная нужда!

— Чжуаньюань Вэй Имин, которого он мне в мужья прочил, был его точной копией — таким же сладкоречивым лицемером, готовым на всё ради власти. Он сватался ко мне лишь потому, что я дочь главного советника — это сулило выгоды. А Шэнь Цзюньжу согласился на этот брак, ибо видел в Вэй Имине будущую влиятельную фигуру, с которой можно было бы вместе вершить дела империи. А что на душе у меня — его ничуть не заботило! Я сопротивлялась как могла, даже объявляла голодовку. Но он был неумолим. Запер меня, а затем пригрозил: если не соглашусь, мой двоюродный брат умрёт на границе и костей его не соберут!

Шэнь Ичань больше не могла сохранять светские манеры. Глаза её вспыхнули лютой ненавистью.

— Почему женщина должна быть игрушкой судьбы, обречённой на жертву? Я считаю себя неглупой, образованной. Будь я мужчиной, я бы могла свершить великие дела, оставить свой след в мире! Но я родилась женщиной. Значит, мне суждено томиться в пределах женских покоев, и даже замуж выйду не по своей воле!

— Я не смирюсь! Ни за что не смирюсь! Почему этот бездельник Шэнь Юйчжу должен унаследовать несметные богатства семьи? Почему эта подлая наложница Цзян, косвенно повинная в смерти моей матери, должна жить в роскоши и довольстве? И почему этот лицемер в человеческом облике, Шэнь Цзюньжу, совершивший столько злодеяний, должен оставаться

беснаказанным? Разве он не заслуживал смерти?

<http://bllate.org/book/16283/1466750>